

СВЯЗАНО ЛИ НАУЧНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ С ЦЕННОСТЯМИ ОТВЕТСТВЕННОЙ И ПРАВСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ? (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В ЭПОХУ МАКРОСДВИГА)

Розин В. М.

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Аннотация. В статье ставится вопрос, связано ли научное мироощущение с ценностями ответственной и нравственной личности. Он рассматривается как в исторической, так и в современной плоскости. Различаются два исторических подхода в решении этого вопроса: идущий от работ Николая Кузанского и Декарта, где признается влияние науки на сознание человека, и рациональный подход, фактически отрицающий подобное влияние. На примере авторского кейса реконструкции личности Цветаевой вводится гипотеза, в которой характеризуются особенности современной науки в эпоху Макросдвига. Автор показывает, что современная наука (гуманитарная, социальная и, возможно, естественная в области неклассической рациональности)

должна включать в себя, во-первых, позицию и ценности субъектов, которые в ней изучаются, во-вторых, позицию и ценности самого исследователя, в-третьих, анализ влияния социальности на сознание индивидов, а также захвата социальных структур пассионарным сообществом или личностью. Если, например, Пушкин на рубеже 30-х годов пережил духовный переворот, пересмотрел свою жизнь и стал работать, как ему настойчиво советовал Петр Чаадаев, на благо России и ее культуры, то Цветаева так и не смогла преодолеть эгоизм и поэтическое тщеславие и отчасти поэтому погибла сама и невольно способствовала гибели своего любимого сына Мура. Анализ позиции самого исследователя позволяет понять, какое воздействие гуманитарий оказал на изучаемого субъекта, что его в нем интересовало (как писал М. Бахтин: не один дух, а два — изучаемый и изучающий, взаимодействие духов). Социогуманитарные науки в эпоху Макросдвига должны не только реконструировать позиции индивидов (подлежащих исследованию и автора), но и, с одной стороны, анализировать факторы социальности, трансформирующие сознание человека, с другой — наоборот, объяснять, каким образом отдельные сообщества или личности могут захватывать социальные структуры, превращая их в свои органы.

Ключевые слова: личность, культура, наука, нравственность, реконструкция, мироощущение, сознание.

IS THE SCIENTIFIC WORLDVIEW CONNECTED WITH THE VALUES OF A RESPONSIBLE AND MORAL PERSON? (STATEMENT OF THE PROBLEM IN THE ERA OF MACROSHIFT)

Rozin V. M.

Rozin Vadim Markovich — Dsc of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 109240, Moscow, st. Goncharnaya, 12, building 1; e-mail: rozinvm@gmail.com

Abstract. The article raises the question of whether the scientific worldview is connected with the values of a responsible and moral person. It is viewed both from a historical and a modern perspective. There are two historical approaches to solving this issue: coming from the works of Nicholas of Cusa and Descartes, where the influence of science on human consciousness is recognized, and the rational approach, which actually denies such an influence. Using the example of the author's case of Tsvetaeva's personality reconstruction, a hypothesis is introduced that characterizes the features of modern science in the era of macroshift. The author shows that modern science (humanitarian, social and possibly natural science in the field of non-classical rationality) should include, firstly, the position and values of the

subjects that are studied in it, secondly, the position and values of the researcher himself, third, analysis of the influence of sociality on the consciousness of individuals, as well as the capture of social structures by a passionate community or individual. If, for example, Pushkin at the turn of the 30s experienced a spiritual revolution, reconsidered his life and began to work, as Pyotr Chaadaev persistently advised him, for the benefit of Russia and its culture, then Tsvetaeva was never able to overcome her egoism and poetic vanity and, in part, so she died herself and unwittingly contributed to the death of her beloved son Moore. Analysis of the position of the researcher himself allows us to understand what impact the humanist had on the subject being studied, what interested him in him (as M. Bakhtin wrote: not one spirit, but two — the one being studied and the one studying, the interaction of spirits). Socio-humanitarian sciences in the era of macro shift must not only reconstruct the positions of individuals (subject to research and the author), but also, on the one hand, analyze the factors of sociality that transform human consciousness, on the other hand, on the contrary, explain how individual communities or individuals can capture social structures, turning them into their organs.

Key words: personality, culture, science, morality, reconstruction, attitude, consciousness

Речь в данной работе пойдет преимущественно о гуманитарных и социальных науках, хотя затронутые в статье проблемы неразличны и для естествознания, особенно на территории пост-неклассики.

Что можно понимать под Макросдвигом? Я понимаю двойной цивилизационный переход: углубление кризиса модерна (в авторской культурологической версии — завершение новейшей европейской культуры) и становление «фьючекультуры», которое пока обозначается только трендами (взрывным характером раз-

вития технологий, процессами глобализации и новыми формами социальной дифференциации, формированием гибридных видов социальности, включающих элементы капиталистической и социалистической организаций, сдвигами в сознании сообществ и масс и пр.). Как правило, в подобных цивилизационных переходах обостряются социальные конфликты, разворачиваются процессы, на фоне которых претерпевает метаморфозы в разных направлениях и человек.

Одна из особенностей современного перехода и культуры — развитие и всеобщее распространение науки и научного мировоззрения (в том числе и научного мироощущения, характерного практически для большинства жителей Земли). Другая особенность — дифференциация населения и образование двух антропологических макросообществ. К одному принадлежат люди, как будто не имеющие нравственных начал и императивов, они действуют вполне рационально во многом под нормативным управлением государства (современный вариант «разумного эгоизма», в рамках которого вполне естественно даже убеждение, что такое поведение и есть благо в современном понимании). Здесь, например, можно вспомнить работы З. Баумана, который одну из современных тенденций видит в трансформации нравственности человека, попавшего в социальную машину государства.

«Нынешнее значение холокоста, — пишет он, — заключено в уроке, который он содержит для всего человечества. Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможности для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения»¹.

К другому макросообществу относятся те люди, для которых безразлично разделение добра и зла, нравственные поступки, поиски смысла жизни и критериев ответственного поведения.

¹ Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Изд. «Европа», 2010. С. 243.

И это не обязательно верующие в Бога, среди них много и атеистов. В нашей стране эта дифференциация в форме не только традиционного российского раскола, но и раскола политического и даже семейного отчетливо обозначилась, начиная с военного конфликта и СВО. Назовем условно представителей первого макросообщества «социальными реалистами», а второго «социальными идеалистами». Если соотнести обе указанные особенности, то возникает сакраментальный вопрос: влияет ли научное мироощущение на данную дифференциацию? Один ответ, что никак не влияет, поскольку научное мироощущение и нравственное поведение (сознание) между собой не связаны.

Другой ответ: нет, влияет и существенно, более того, исторически обе эти реальности растут из одного корня (источника) — веры в Бога. Действительно, еще в XIII веке Роджер Бэкон утверждал, что природа («подлунный мир»), которая должна быть предметом науки, создана Творцом по математическим расчетам.

В эпоху Возрождения Николай Кузанский, считая, что познать Бога можно лишь по его подобиям, утверждает, что именно математика позволяет уловить эти подобия в природе, поэтому Творец может быть схвачен в научном знании как математическое описание природы.

«Все наши мудрые и божественные учителя, — пишет Николай Кузанский, — сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого и что творца, таким образом, можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии...

Таковы математические предметы... многоопытные мужи сравнивали преблагословенную Троицу с треугольником о трех равных прямых углах; поскольку он, как будет показано, обязательно должен иметь бесконечные стороны, его можно назвать бесконечным треугольником. Мы следуем и за ними. Третьи, пытаясь представить в математической фигуре бесконечное единство, называли Бога бесконечным кругом. А созерцатели всецело актуального божественного бытия называли Бога как бы бесконечным шаром. Опять-таки, мы покажем, что и они правильно понимали величайший максимум и что смысл у них всех один <...>

Миниатюра XIII века (Бог создает мир, предварительно рассчитанный Им математически)

Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией — искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений»².

² Кузанский Н. Об ученом незнании. http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm

Здесь обращает на себя внимание, во-первых, сближение природы и Творца, во-вторых, придание обоим сверхсущностям математического строения. Потом в новое время, хотя на первый план выходит земная реальность природы, мыслимая в естествознании во многом математически, сакральный (духовный смысл ее) сохраняется. Следовательно, сохраняется и нравственный обертон этой «мелодии» (понимания действительности).

Декарт, правда, осторожно следует этой же традиции отождествления научного мироощущения с сознанием человека посредством отнесения обоих к божественной реальности. В результате у него получается, что человек как сущность — это и есть научное мышление. «Ибо каждый раз, — пишет Декарт, — когда я настолько удерживаю свою волю в границах моего знания, что она составляет свои суждения лишь о вещах, представляемых ей разумом ясно и отчетливо, я не в состоянии ошибиться; ведь всякое ясное и отчетливое понятие есть, несомненно, нечто и, следовательно, не может происходить из небытия, но необходимо должно иметь своим творцом бога, а бог, будучи совершенным, не может служить причиной никакого заблуждения».³

Как мы видим, Декарт считает, что трансцендентальным основанием мышления и вообще существования личности продолжает оставаться Бог. Следовательно, по-настоящему мыслящая личность для него автоматически является нравственной. Декарт не сомневается в том, что вера в Бога делает человека нравственным.

И Кант пишет о том, что хотя личность — это свобода над природной необходимостью, но личность, следуя долгу, философии и науке, добровольно ограничивает себя в пользу других, права и высших ценностей: «Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего потакающего, что льстило бы людям... где же достойный тебя источник и где корни твоего благородного происхождения, гордо отвергающего всякое родство со склонностями?.. Это может быть только то, что возвышает человека над са-

³ Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 380.

мим собой (как частью чувственно воспринимаемого мира), что связывает его с порядком вещей, который может мыслить один разум... Это не что иное, как *личность*, то есть свобода и независимость от механизма всей природы, рассматриваемая вместе с тем как способность существа, которое подчинено особым, а именно данным его же собственным разумом, чистым практическим законам... Моральный закон *священен* (ненарушим). Человек, правда, не так уж свят, но *человечество* в его лице должно быть для него священо»⁴.

Из этих высказываний видно, что Кант пытается помочь человеку Нового времени осознать присущий ему как личности план нравственной реальности и ответственности. При этом именно разум и мораль — необходимые условия подобного осознания.

Совершенно другая традиция начинается от Фрэнсиса Бэкона. Для него и его последователей, работающих над созданием социальности модерна (рынок, национальное европейское государство и его институты — парламент, право, исполнительная власть — армия и полиция, промышленность, новая школа и др.) научное мироощущение, задаваемое, прежде всего, естествознанием, инженерией и технологией, определяли в человеке не нравственное и ответственное поведение, а прежде всего рациональные начала (расчет, анализ, выгоду и т. п.). Анализируя работы А. Смита, В. Колпаков пишет: «Натуралистический подход к анализу экономики Колпаков видит, например, в том, что Смит пытался найти однозначные причины, приводящие к разделению труда, а также в том, что эта естественная причина, по мнению Смита, лежит в основе формирования всех общественных связей, поскольку «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз»... С точки зрения Колпакова, «экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме

⁴ Кант И. Критика практического разума. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1997. С. 509–511.

Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой — человеческое счастье»⁵.

Вероятно, счастье Смит понимал как рациональное, разумное поведение, которое складывается под влиянием естествознания. При этом места для нравственной реальности и проблематики, по сути, уже не остается, и не потому что «экономический человек» плохой, а в силу присущего последнему естественно-научного мировоззрения.

В этой же традиции, судя по всему, формировалась во второй половине XX столетия и «методология управления», разрабатываемая в «Московском методологическом кружке» (аббревиатура ММК), основные идеи которой сформулировал Г. П. Щедровицкий. Эти идеи в современной ситуации конфликта были подвергнуты критике именно в том отношении, что «методологическая наука», давая рецепты оптимизации и преобразования управления, совершенно не затрагивает сознание граждан, не касается их нравственных ценностей. Еще работая со Щедровицким, я спрашивал его по поводу отсутствия в методологии этической и социальной проблематики. На что мой учитель отвечал резко и раздраженно: «Это не обсуждается, надо просто развивать методологию»⁶.

И еще один факт. Когда я был аспирантом, научным руководителем мне назначили (вместо безвременно ушедшей от нас А. С. Усовой) известного психолога Василия Васильевича Давыдова. Он был автором интересной концепции развивающего обучения. Однажды я спросил его: а что, умственное развитие од-

⁵ Федотова В. Г., Колтаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. - М.: Культурная революция, 2008. С. 161-162, 165-166.

⁶ Розин В. М. Справедливы ли обвинения в адрес методологов? Ответ методолога // Идеи и идеалы. — 2023 — Том 15, №1, ч.1 — С. 179.

новременно способствует и развитию правильной, нравственной личности? Василий Васильевич удивился и какое-то время молчал; вероятно, такой вопрос ему никогда в голову не приходил, но потом ответил уверенно: да, конечно, должна сформироваться и правильная личность. Я спорить не стал, но про себя подумал: как много было сильных интеллектуалов, поступки которых говорят о прямо противоположном, как личности, особенно по части нравственности, они пребывали в самом жалком состоянии.

Теперь, как я смотрю на сформулированную дилемму (отношения науки и нравственности), имея в виду современную ситуацию Макросдвига и двойного перехода. Но сначала, чтобы было на что опираться, укажу на один кейс, а именно свою реконструкцию личности Марины Цветаевой (это исследование можно отнести к психологическим, точнее, к психологии личности). «В голодные годы, — пишет Анна Кирьянова, — Марина сдала в Кунцевский приют своих дочерей. Кормить детей ей было тяжело: со службы она ушла, так как ей было скучно, неинтересно, бессмысленно переписывать глупые бумаги. <...> Детей она сдала в приют, написав заявление, что это — чужие дети, которых она нашла под дверь. Иначе при живой матери девочек в приют бы не взяли. Может быть, спасли бы им жизнь. В приюте старшая, Аля, тяжело заболела, а младшая, Ирина, умерла с голоду. “Впрочем, так лучше”, — писали друг другу знакомые, хорошо знавшие Марину. Ведь ребенок не видел ничего, кроме побоев и голода. Марина уходила на поэтические посиделки, привязав двухлетнюю Ирину за ногу к кровати в темной комнате. Под кроватью жили крысы. <...> Привязывать ребенка Марина стала после того, как девочка наелась всякой гадости из помойного ведра. <...> На похороны дочери Марина не пошла»⁷.

Какие конкретно проблемы стояли передо мною? Во-первых, я хотел понять поведение Цветаевой; для меня, так же как и для участников обсуждения в Интернете, поведение великой поэтессы представляло личную экзистенциальную проблему, поскольку

⁷ Две души Марины Цветаевой (официальный сайт Анны Кирьяновой: <http://kiryanova.com/r11.html>); <https://www.proza.ru/2006/08/10-105>.

ку вслед за самой Цветаевой, говорившей «Мой Пушкин», я мог бы сказать: «Моя Цветаева». Во-вторых, получить материал для методологического анализа особенностей гуманитарной науки, в том числе и в психологии. Обе эти задачи можно было решить, построив идеальный объект, приписав Цветаевой фиксированные характеристики. На их основе можно было уже развернуть гуманитарный дискурс, отвечающий на обе поставленные проблемы. Вот характеристики, которые я приписал Цветаевой.

Как бы ни понимать эгоизм, все-таки Цветаеву можно отнести к этой категории. Например, сдавая дочерей в приют, она пишет любимой Ариадне: «Милая Алечка, не томись, не горюй. То, что сейчас бессмысленно, окажется мудрым и нужным, только надо, чтобы время прошло! — Нет ничего случайного!» В это время Аля в приюте пишет такое письмо: «Мама! Я повешусь, если Вы не приедете ко мне, или мне Лидия Алекс<андровна> не даст весть об Вас! Вы меня любите? Господи, как я несчастна! Из тихой тоски я перехожу в желание отомстить тому, кто это сделал. О, я Вас прошу, любите, пожалуйста, меня, или я умру самой мучительной смертью». Но Цветаева не приезжает и никаких известий Але не передает, зато сочиняет красивые и печальные стихи о своей разлуке с дочерью⁸. То есть первая характеристика личности Цветаевой — она эгоист.

Вторую характеристику своей личности Цветаева фактически сформулировала сама: она — великий поэт, поэзия для нее — главная реальность, позволяющая жить вне нравственности и оправдывать любые поступки. «Художественное творчество, — пишет Цветаева в статье “Искусство при свете совести”, — в иных случаях некая атрофия совести, больше скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть <...> “Исключение в пользу гения”. Все наше отношение к искусству — исключение в пользу гения. Само искусство — тот гений, в пользу которого мы исключаемся (выключаемся) из нравственного закона... Часто сравнивают поэта

⁸ Эфрон, И. (2009) Последние два месяца жизни. <https://wyradhe.livejournal.com/58265.html>

с ребенком по примете одной невинности. Я бы сравнила их по примете одной безответственности. Безответственность во всем, кроме игры».⁹

Наконец, вывод, подтверждающий, что поэзия для Цветаевой была главной реальностью. «Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова — на нем я чиста».¹⁰

Третья характеристика личности Цветаевой, кстати, доказывающая, что она была психически здорова, — Марина была умным человеком, хорошо осознающим, что она делает. Об этом свидетельствует ее дневник. Вот из него один интересный для нас фрагмент: «— Чудовищно? — Да, со стороны. Но Бог, Видящий мое сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что НЕ МОГЛА. (К живой не приехала...)»

Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной непонятной сущности»¹¹.

Теперь не менее важная характеристика личности Цветаевой: она была «множественной личностью», в Цветаевой жили два разных человека, которые попеременно овладевали ее душой и сознанием, реализуя, как правило, прямо противоположные и несовместимые формы поведения и поступки¹². Первая личность — это личность, условно говоря, «поэта-эзотерика», склонного считать поэтическую реальность самой главной и подлинной, а обычный мир второстепенным. Личность, реализующая себя в поэтическом творчестве, а также в формах романтической жизни, где измены — не измены, а необходимый для гения опыт,

⁹ Цветаева, М. (1997). Искусство при свете совести. <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?id=9&r=proza>

¹⁰ Там же.

¹¹ Цветаева, М. (2002) Из записных книжек и тетрадей. http://modernlib.net/books/cvetaeva_marina/iz_zapisnih_knizhek_i_tetradedy/read.

¹² Розин В. М. (2015). Феномен множественной личности. По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Изд. 4-е. М.: URSS, 2014. 195 с.

люди — не люди, а почитатели твоего таланта и средства твоей жизни, жизненные обстоятельства — не обстоятельства, если они противоречат поэтической реальности. Для художника несложно переинтерпретировать любое обычное обстоятельство, в том числе и свои поступки, как подтверждающие или противоречащие подлинной реальности. Подобно тому, как Цветаева все события истолковывала в таком плане, который ей нужен был для продолжения своего творчества.

Вторая личность — обычная, непоэтическая, отчасти даже нравственная, но только отчасти. В силу воспитания, влияния матери, времени Цветаева, по моей классификации, при всем ее уме и знаниях, была очень *маргинальна*, жила, как бы сказал Михаил Бахтин, идеями («человек идеи»), а я бы сказал, что она во многом жила *абстрактными схемами*. Отсюда абсолютная непрактичность, нежелание и неумение понять других, метания и странные поступки. Все это, конечно, было усугублено и тотальным влиянием первой личности. Дело в том, что обе личности Цветаевой не были разделены «китайской стеной», напротив, первая все время навязывала второй неадекватное, с точки зрения социальной логики и здравого смысла, поведение. И в истории с дочерьми она сыграла свою роковую роль. Сначала под ее влиянием Марина пришла к выводу, что детям в приюте будет лучше, потом — что забирать их еще рано, и «всю дорогу» — что Ирина дефектная и поэтому недостойна заботы...

Опираясь на указанные характеристики личности Цветаевой, можно предложить следующее объяснение ее поступков. Во-первых, становится понятной роль ее дневников. Это не маниакальное графоманство, представляющее собой канал реализации плохой энергии (так утверждал один из участников обсуждения в Интернете), а способ связи двух персон Цветаевой. Второй персоне (личности) необходимо было на что-то опираться, когда она не знала, как действовать в критических ситуациях. На саму себя она опираться не могла, ведь за ней стояла первая персона. В этих условиях Цветаева открыла, что дневник является инструментом осмысления воли ее первой персоны. Например, описывая

посещение приюта, она фактически занимается оправданием желаний и поступков первой персоны. При этом рассказывает и о поступках в обычной реальности (игнорирует Ирину, не забирает из приюта детей). Заметим: решение второй персоны идет навстречу желаниям первой.

Во-вторых, мы начинаем понимать, что поступок Цветаевой не был каким-то случайным отклонением, он вполне закономерный. В-третьих, выявленные особенности личности Цветаевой позволили автору понять, почему он относительно холоден к ее поэзии. С одной стороны, я всегда признавал достоинство ее художественного творчества: для ее стихов характерна яркая образность, эмоциональность, страстность, необычная форма, точность выражения, своеобразная художественная мысль. С другой стороны, поэзия Цветаевой меня никогда не трогала, не заставляла сопереживать, оставляла холодным. Не потому ли, что Цветаева всегда пишет только о себе, а о других только мимоходом. Не потому ли, что Марине были незнакомы переживания других людей, что она никогда с ними не отождествлялась, в каком-то смысле не сочувствовала никому. Ей, вероятно, была не знакома общая жизнь с другими («возлюби ближнего как самого себя»), предполагающая совместные переживания, горе, радость, сочувствие. Например, Аля в приюте умоляет мать приехать, а Цветаева не приезжает, но пишет такие стихи.

Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!
Жалко мне, когда в печи
Жар, — а ты не видишь!
В дверь — звезда в моей ночи!
Не взойдешь, не выйдешь!
Платица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном — сад

Расцветает — тщетно.
Голуби в окно стучат, —
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, —
Бог с ними, с ветрами!
Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным —
Чудодейственным твоим
Голосом: — Марина!..¹³

Приведенная реконструкция позволяет сделать три вывода.

Первый: Цветаеву явно можно отнести к первому макросообществу: у нее или практически полностью отсутствует нравственное сознание или, если такое сознание все же сформировано, оно успешно блокируется эгоистической личностью.

Второй вывод: этот кейс подсказывает, что стоит различать естественные и гуманитарные науки, вероятно, для них вопрос о связи науки и сознания человека должен решаться по-разному. Особенно это справедливо, если речь идет о классической рациональности (Галилей, Ньютон). Если для естествознания классического типа эта связь понимается инструментально (человек выступает только как инструмент познания природы или пользуется полученным знанием), то для гуманитарной науки позиция исследователя, так же как и пользователя, входит в саму структуру гуманитарного познания (знания). Если же иметь в виду неклассическую рациональность, действующую на территории макро- и микроприроды, то здесь, возможно, ситуация, близкая к гуманитарной.

«Вопрос ставится так, — спрашивает Е. А. Мамчур, — что описывает квантовая механика: микромир или микромир плюс сознание наблюдателя?».¹⁴ «Предложенная интерпретация Все-

¹³ Розин В. М. Опыт гуманитарного исследования личности Марины Цветаевой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, N 3. С. 460, 461-464.

¹⁴ Мамчур Е. А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004. С. 217.

ленной как целого, — замечает Вадим Казютинский, — находится в согласии с идеей множественности онтологических миров... Оправдалась основная идея автора — понятие Вселенной как целого действительно релятивно, а не относится к какому-то раз навсегда заданному физическому абсолюту»¹⁵. И что означает для познаваемой реальности, если сознание исследователя сохраняет, как мы писали выше, нравственный обертон?

Третий вывод. Анализ личности Марины Цветаевой (в этой же логике я проанализировал личности Платона, Аристотеля, Пушкина, Чехова, св. Августина, П. Флоренского, Эмануэля Сведенборга) показывает, что современная наука (гуманитарная, социальная и, возможно, естественная в области неклассической рациональности) должна включать в себя, во-первых, позицию и ценности субъекта, который в ней изучается (в данном случае это была Цветаева), во-вторых, позицию и ценности самого исследователя (т. е. вашего покорного слуги). Так, с одной стороны, я, опираясь на анализ стихов, дневников и поступков Цветаевой, реконструировал ее позицию и ценности, с другой — указал свой интерес и методологию. Что дает подобный подход? В том числе, позволяет понять нравственную позицию интересующего нас субъекта и ее влияние на его поступки. Если, например, Пушкин на рубеже 30-х годов пережил духовный переворот, пересмотрел свою жизнь и стал работать, как ему настойчиво советовал Петр Чаадаев, на благо России и ее культуры, то Цветаева так и не смогла преодолеть эгоизм и поэтическое тщеславие и отчасти поэтому погибла сама и невольно способствовала гибели своего любимого сына Мура¹⁶. Анализ позиции самого исследователя позволяет понять, какое воздействие гуманитарий оказал на изучаемого субъекта, что его в нем интересовало (как писал М. Бах-

¹⁵ Казютинский В. М. Традиция и революция в современной астрономии (докторская дис.). М.: ИФРАН, 1999. С. 13.

¹⁶ Там же, а также Розин В. М. Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // В. М. Розин. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 108-127.

тин: не один дух, а два — изучаемый и изучающий, взаимодействие духов).

На мой взгляд, наука на рубеже Макросдвига должна быть именно такой, включающей реконструкцию обоих указанных здесь позиций, только в этом случае современная наука будет способствовать формированию нравственной и ответственной современной личности.

Но вернемся к высказыванию Баумана, касающемуся трансформации нравственности человека, попавшего в социальную машину. Это еще одна сторона нашей темы: недостаточно охарактеризовать позиции индивида в сложившейся социальности, необходимо также показать, каким образом социальность (социальные условия и институты) формируют среднего (массового) индивида, и рассмотреть такой важный случай социальной аномии, как захват социальных структур пассионарным сообществом или даже отдельной личностью. Книга «Актуальность холокоста» Баумана предоставляет некоторый материал для размышления на первую тему.

Бауман сформулировал уроки холокоста: перерождение нравственности в условиях слабости демократии и фашистского правления, сосредоточение всей государственной власти в руках одного человека, подавление государством общества, опасность утопических принимаемых правящей элитой картин и концепций. Но какой выход из этой сложной ситуации и действительности он предлагает? Развитие демократии, блокирование утопических картин, контроль над государством, подавление элит, преследующих опасные для общества и человека цели, создание новых альтернативных социальных институтов, не допускающих все указанные реалии? Нет, Бауман понимает, что у общества в настоящее время нет средств, чтобы изменить все перечисленное, что он описал нормальные социальные процессы и структуры, которые постоянно воспроизводятся, причем иногда и в таких предельных формах, которые приводят к холокосту или сходным с ним явлениям. Понимая это, Бауман и не дает таких рекомендаций. Но на что все же общество и сам Бауман могут

воздействовать, влиять? На сознание отдельного человека, а посредством его, вероятно, но значительно меньше, на общество. Поэтому именно к личности и обращены Бауманом рекомендации, «что делать».

Это, конечно, правильно, ведь, в конце концов, даже тиран является человеком, да и люди в толпе могут быть личностями; если люди не изменяют своего поведения, то ничто не изменится. Но можно ли такое решение считать удовлетворительным? Да, отдельные индивиды (по сути, одиночки) сопротивлялись и шли против потока, но разве речь идет о них? Нет, решение должно быть такое, которое позволяет воздействовать на многих, на обычных граждан, на массу, представители которой, вроде бы имея совесть, перестают ей следовать. Именно эта основная категория людей подвержена пропаганде, подчиняется логике и требованиям социальных институтов, далека от героизма и способности к сопротивлению.

Одно из достоинств исследования Баумана — реализация некоторых идей философии техники, в первую очередь представлений о социальной инженерии и социальной технологии (именно эти инструменты использовались для трансформации сознания граждан). При этом Бауман намечает важную схему, правда, заданную не понятийно, а эмпирически. Он показывает, что на первом этапе элита, захватившая власть, посылает обществу нужный для этой власти посыл (социальный месседж): фашисты вменяли немцам представления, по которым евреи — источник всех зол и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей¹⁷.

Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления месседжа *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы), *увольнение*

¹⁷ Узкой руководящей части элиты адресовался другой месседж, а именно, необходимость окончательного решения еврейского вопроса.

служащих и экспроприация коммерческих компаний, концентрация (дистанцирование от общества и помещение в лагерь смерти), *эксплуатация труда и голодомор, уничтожение.*

К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других). Можно предположить, что эти три этапа (разработки и вменения социальных меседжей, создания технологии и типологий, формирования институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях. Из работы Баумана можно извлечь еще две характеристики, проявляющие особенности социальной технологии, причем не только фашистского государства.

«Современный геноцид, — пишет он, — является элементом социальной инженерии, призванной построить социальный порядок, соответствующий структуре идеального общества.

Для инициаторов и руководителей современного геноцида общество служит предметом плановой и осознанной разработки. Можно и нужно максимально совершенствовать общество, а не только менять лишь отдельные элементы из многих, улучшать его лишь местами, исцелять лишь некоторые из его тяжелых заболеваний. Можно и нужно ставить перед собой более амбициозные и радикальные цели: можно и нужно перестраивать общество, силой приводить его в соответствие с общим, научно обоснованным планом»¹⁸.

Что еще Бауман понимает под социальной инженерией? Две вещи: бюрократию и рационализм¹⁹. Из текста книги можно понять, что бюрократия, по Бауману, — это популяция чиновников, действующая «целерационально» (термин М. Вебера), и что, не менее существенно, сообщество, полностью лишенное моральных и нравственных переживаний, точнее, если даже такие пе-

¹⁸ Бауман З. Актуальность холокоста. С. 113.

¹⁹ Там же.

реживания имеют место, то они никак не влияют на действия и решения чиновников-бюрократов. По сути, бюрократ так специализировался в своей профессии, что все его человеческие способности и сознание преобразились в «винтики» и «колесики» социальной машины (института). В этом смысле бюрократия представляет собой социальную технологию, но существующую в форме антропологического материала и конструкции. Да, без людей социальная машина встанет, но, чтобы она эффективно работала, нужны не обычные люди с их переживаниями и экзистенциями, а специалисты — т. е. элементы социальной машины; это и есть бюрократия.

В свою очередь рациональность относится к плану формирования социальной инженерии. Дело в том, что любая технология, ориентированная на образцы инженерии, предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установление связей и отношений между данными типами, операциями и условиями. При этом речь идет не об отдельных случаях, а о массовых и воспроизводимых (специалистами), поэтому все эмоции, переживания и тому подобные соображения должны быть элиминированы. Логика технической рациональности — это логика машины и индустриального массового производства, логика экономии и качества. В эффективной социальной машине не могут работать конструкции, ведущие себя не как механизмы, а как обычные люди, не свободные от переживаний и нравственных ценностей. Бюрократия исторгает таких людей и, наоборот, культивирует и поддерживает тех, кто ничем не отличается от бездушных винтиков и колесиков бюрократической социальной машины.

Зададимся теперь таким вопросом: разве большинство людей слабы или безнравственны и только единицы достойны звания человека, ведь именно так получается у Баумана? Вряд ли с этим можно согласиться. Но в таком случае, вероятно, нужно присмотреться, что собой представляет обычный человек. Бауман правильно отмечает, что социологическое понимание человека неудовлетворительно, оно не может объяснить, почему люди ведут

себя асоциально или нравственно, но сопротивляются общим тенденциям и нормам.

«После холокоста, — пишет Бауман, — правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы».²⁰

Указывая на то, что нравственное поведение и сопротивление не могут быть объяснены в социологической теории, утверждающей, что поведение человека задается и детерминируется социальными нормами и механизмами, Бауман, тем не менее, не находит понятий для осмысления указанного феномена (вероятно, поэтому он говорит, что основание нравственного поведения «досоциально», внесоциально). В то же время, если бы он знал работы нашего философа Владимира Соломоновича Библера, то смог бы разрешить эту проблему, разведя «социального индивида» и «личность». Личность, по Библеру, это как раз такой индивид, который способен преодолевать социальную и культурную обусловленность²¹. В отличие от личности, социальный индивид действует строго в соответствии с нормами социальных структур (социальных институтов, традиций, обычаев).

Материал исследования холокоста заставляет ввести еще одно важное понятие — «контекстного поведения человека». Дело в том, что человек в современной культуре не является самодостаточным, попадая в разные условия, особенно угрожающие жизни и благополучию, он ведет себя как совершенно разные субъекты. И дело здесь не в разных ролевых позициях, а именно в кардинальной трансформации сознания, психики и поведения.

²⁰ Там же. С. 210.

²¹ Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М.: Наука, 1990.

Примерно об этом же, обсуждая мультикультурализм, пишет Сейла Бенхабиб²².

Итак, вероятно, необходимо различать три горизонта и области существования человека: человек как социальный индивид, как личность и как контекстный субъект. Реальный поступок человека — это *результатирующая этих трех сил в конкретных ситуациях и в ходе его эволюции*. Иногда перевес на стороне первой силы, иногда — второй, значительно реже — третьей²³.

Для размышления над третьей проблемой (захват социальных структур пассионарным сообществом или личностью) дает некоторый материал книга Питера Грина «Александр Македонский. Царь четырех сторон света»²⁴.

Некоторые особенности становления личности. Известно, что Александр Македонский был сыном царя Филиппа, тоже достаточно выдающейся личности, получил прекрасную подготовку в военном деле, и несколько лет его учителем был сам Аристотель. Но спрашивается, какое влияние на будущего македонского царя и завоевателя восточного мира оказали эти два мужа? Судя по книге Грина, Филипп выступал для Александра не только образцом воина и царя, но и задал отношение к греческим полисам, закат которых уже ощущался. Разгромив объединенную армию Фив и Афин, Филипп «не стал посылать гарнизоны в большинство крупных полисов (собственно, почти во все), но и без того было понятно, в чьих руках реальная власть. Греческие государства сохранили лишь тень прежней независимости»²⁵. Став царем, Александр по отношению к греческим полисам придерживался той же стратегии «кнута и пряника». Например, организуя поход в Персию, Александр собрал в Коринфе Совет Эллинского союза, куда были приглашены и представители тех стран, кото-

²² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 17, 19, 43, 122.

²³ Розин В. М. Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 19-20, 22-27.

²⁴ Питер Грин. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М.: Центрполиграф, 2003. 304 с.

²⁵ Там же. С. 60.

рые отказывались признать его власть. «Напуганные греки прислали посольства, кое-как пытаясь соблюсти достоинство». Совет единогласно «избрал Александра гегемоном вместо отца», зато греческие государства снова объявлялись «свободными и независимыми».²⁶

Хотя неизвестно, чему конкретно Александра учил Аристотель, можно примерно догадаться об общем тренде. С одной стороны, это культура мышления, которая потом не раз помогала Александру, гениально воссоздававшему психологию и замыслы противника, изобретавшему более эффективные схемы сражений, проводившему достаточно разумную политику в отношении завоеванных народов. С другой стороны, именно Аристотель повлиял на формирование у Александра полисного мировоззрения. Это было достаточно универсальное видение мира как единого целого, управляемого Разумом (при сохранении, так сказать, полюсов — отдельных городов-государств); причем, возможно, додумал уже сам ученик, на земле это единство мог обеспечить некий царь-демиург (почему не Александр?)...

Не только царь, но и герой. Александр недаром ощущал себя Ахиллом, он и жил как этот божественный персонаж. Вот двадцатилетний сын Филиппа после убийства отца, в котором некоторые подозревали самого Александра, становится законным царем. Кажется, правь спокойно в Македонии. Так нет, Александр тут же создает эллинский союз и организует поход против Персии. И пошло-поехало: сражения, и какие, причем всегда Александр — победитель, новые походы — в Египет, Среднюю Азию, Индию, да всех его деяний и не перечислишь. По масштабу они вполне такие, которые подобают именно героям. Похоже, уже подростком Александр ощущает в себе героическое начало, один эпизод с укрощением жеребца Буцефала чего стоит²⁷. Здесь проявился образ, который Александр стремился подтвердить всю жизнь: поступок, сравнимый с героическим подвигом, восхищение зрителей, нечеловеческая смелость и победа. Этот образ

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Там же. С. 39–40.

Александр всегда подкрепляет и визуально. Например, в первой битве с персами при Гранике на Александре «были великолепные доспехи из храма Афины в Илионе, щит его украшен был не хуже, чем щит Ахилла, а самого царя окружали оруженосцы и штабные командиры»²⁸.

Но одно дело — героическое самоощущение Александра, другое — так сказать, институциональное подтверждение этого ощущения, и даже больше — божественного происхождения, храмовой и аристократической элитой. Особенно показателен эпизод с провозглашением Александра фараоном Египта. Он мог бы понять этот обряд именно как ритуал чужой культуры, но Александр воспринял торжественное провозглашение как подтверждение веры его матери Олимпиады «в его божественное происхождение». «Его собственные свершения уже могли соперничать со свершениями Геракла. И тут, среди древнего великопия египетской культуры, которая, очевидно, вызывала у эллинов своего рода благоговейный трепет, Александр узнает, что он поистине бог и сын бога. Греческая традиция явно различает эти два понятия, египетская же — нет»²⁹. Судя по всему, чем дальше, тем больше Александр укрепляется в новом и таком желаемом мироощущении своей божественной природы.

Стремление Александра ко все новым и новым завоеваниям и походам можно объяснить и вполне прагматическими причинами: с одной стороны, ему нужны были большие средства, чтобы содержать огромную армию и поддерживать свою власть как в Греции, так и в завоеванных странах, с другой — для Александра сражения, победы, завоевания, да и просто завоевательные путешествия стали своеобразным наркотиком, без которого он не мог жить. Укрепление власти объясняет и желание Александра принять на себя божественные прерогативы. Думаю, понять личность Александра можно, лишь совмещая его героические устремления со вполне земными целями и привычками...

²⁸ Там же. С. 114.

²⁹ Там же. С. 167.

Испытание властью. Как известно, власть развращает, абсолютная власть — развращает абсолютно. Не избежал этого и Александр Македонский. Он был человек своего времени, в борьбе за власть не чуждался даже, если это было необходимо, убийств. На заре своего царствования, когда против Александра был организован мятеж, он в частном письме к матери Олимпиаде, которой полностью доверял, «просил ее о немедленном уничтожении Аминты и сына Клеопатры, Карана (Клеопатра была второй женой Филиппа, а это ее дети. — В. Р.). Александр знал, что Олимпиада выполнит его требование»³⁰. В конце своих походов Александр был окружен льстецами, которые оправдывали любые несправедливые поступки царя, например убийство им в гневе своего старого товарища Клита, осмелившегося сказать, что Александр поставил себя выше людей, и указывал на восточные пристрастия Александра, окружившего себя персидской знатью. «В характере Александра произошла перемена к худшему. Он становился все более подозрительным и склонен был верить любым наговорам на своих чиновников. Царь сурово наказывал даже сравнительно небольшие провинности, обосновывая это тем, что чиновники, в них виновные, могут легко совершить и серьезные преступления. Отчасти это было связано с его политикой, но были и другие причины. Сказались ли здесь упоение победами, огромные богатства, абсолютная власть, привычка к пьянству, постоянное напряжение или все это вместе, судить трудно. Но поступки царя теперь определяла не только политическая необходимость, но и его растущая мания величия»³¹.

Как этот материал можно осмыслить, имея в виду нашу проблему? Александр был, конечно, не простой личностью, а, во-первых, македонским царем, и как царь он ощущал себя сакральной персоной, во-вторых, был удачливым и гениальным человеком, обладающим к тому же огромной властью. Можно предположить, что сакральное мироощущение и огромная власть, так сказать, овладевшие индивидом, должны были трансформировать

³⁰ Там же. С. 92–93.

³¹ Розин В. М. Природа социальности. С. 56–57, 59–61, 66–67.

его биологию и психику. Иначе говоря, Александр Македонский существенно отличался от среднего индивида своего времени, особенно в психическом отношении. Александр ощущал себя античным героем, богом и вне законов (хотя по отношению к другим он ими пользовался). Причем в рамках античной культуры нельзя было сказать, что он свихнулся на почве власти, — нет, будучи царем и одерживая победы над персами и другими врагами, он в глазах своих подданных и сторонников имел на все это право и законно реализовал его.

Итак, на мой взгляд, социогуманитарные науки в эпоху Макросдвига должны не только реконструировать позиции индивидов (и подлежащих исследованию, и самого автора), но и, с одной стороны, анализировать факторы социальности, трансформирующие сознание человека, а с другой — наоборот, объяснять, каким образом отдельные сообщества или личности могут захватывать социальные структуры, превращая их в свои органы. И это при том, что сознание этих личностей (или сообществ) может быть достаточно странным: в одних случаях работать на социальность, в других (что бывает чаще) становиться разрушительным для общества.

Литература

- Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Изд. «Европа», 2010.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
- Библер В. С.* Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура. М.: Наука, 1990.
- Грин П.* Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М.: Центрполиграф, 2003.
- Две души Марины Цветаевой (официальный сайт Анны Кирьяновой) <http://kiryanova.com/r11.html>; <https://www.proza.ru/2006/08/10-105>.
- Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950.
- Казютинский В. М.* Традиция и революция в современной астрономии (докторская дис.). М.: ИФРАН, 1999.
- Кант И.* Критика практического разума. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1997.
- Кузанский Н.* Об ученом незнании. http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm
- Мамчур Е. А.* Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФРАН, 2004.
- Розин В. М.* Справедливы ли обвинения в адрес методологов? Ответ методолога // Идеи и идеалы. — 2023 — Том 15, №1, ч. 1 — С. 179.
- Розин В. М.* (2015). Феномен множественной личности. По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Изд. 4-е. М.: URSS, 2014. 195 с.
- Розин В. М.* Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // В. М. Розин. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Розин В. М.* Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 19-20, 22-27.
- Розин В. М.* Опыт гуманитарного исследования личности Марины Цветаевой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, N 3. С. 460, 461-464.
- Федотова В. Г., Колтаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008.

Цветаева, М. (2002) Из записных книжек и тетрадей.

http://modernlib.net/books/cvetaeva_marina/iz_zapisnih_knizhek_i_tetradedy/read

Цветаева, М. (1997). Искусство при свете совести. <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?id=9&r=proza>

Цветаева М. Маленький домашний дух... <https://www.culture.ru/poems/35729/malenkii-domashnii-dukh>

Эфрон И. (2009) Последние два месяца жизни. <https://wyradhe.livejournal.com/58265.html>